

Топосы иного мира в «Житии Василия Нового»

Дергачева И.В.,

доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации», факультета «Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, DergachevaIV@mgppu.ru

«Житие Василия Нового», усвоенное в переводе греческого оригинала на старославянский язык, оказало прямое влияние на формирование древнерусской эсхатологической концепции, а также на иконографические каноны, в частности, на композицию Страшного суда. Его эмоциональное и образное описание топосов иного мира помогало новообращенным христианам усваивать нравственные нормы и христианские догматы.

Ключевые слова: Житие Василия Великого, эсхатологические концепции, герменевтика, экзегеза, церковнославянские переводы, апокрифы.

Для цитаты:

Дергачева И.В. Топосы иного мира в «Житии Василия Нового» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2016. Том 3. №4. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n4/Dergacheva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг) doi: 10.17759/langt.2016030404

For citation:

Dergacheva I.V. Toposes of another world in "the Life of Basil the Younger" [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2016, vol. 3, no. 4. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n4/Dergacheva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy) doi: 10.17759/langt.2016030404

«Житие Василия Нового» является ярким примером усвоения греческого переводного памятника на заре существования оригинальной древнерусской письменности и включения его в культурный контекст. По жанру представляющий сложный синтез апокрифических видений¹ и жития, этот памятник оказал прямое влияние на формирование религиозной философии и эсхатологических воззрений древнерусского государства и вплоть до настоящего времени является текстом, по которому церковь знакомит прихожан с конструктами иного мира (первая часть Жития, включающая «Мытарства Феодоры», является неотъемлемой частью репертуара церковных книжных прилавок рис. 1).

¹ Примеры визионерства, то есть прозрения будущего благочестивыми подвижниками и вознесение их на небеса известны в средневековой письменности, особенное, в апокрифах. См., например, «Книгу Еноха», «Видение апостола Исая», «Видение апостола Павла» и др.

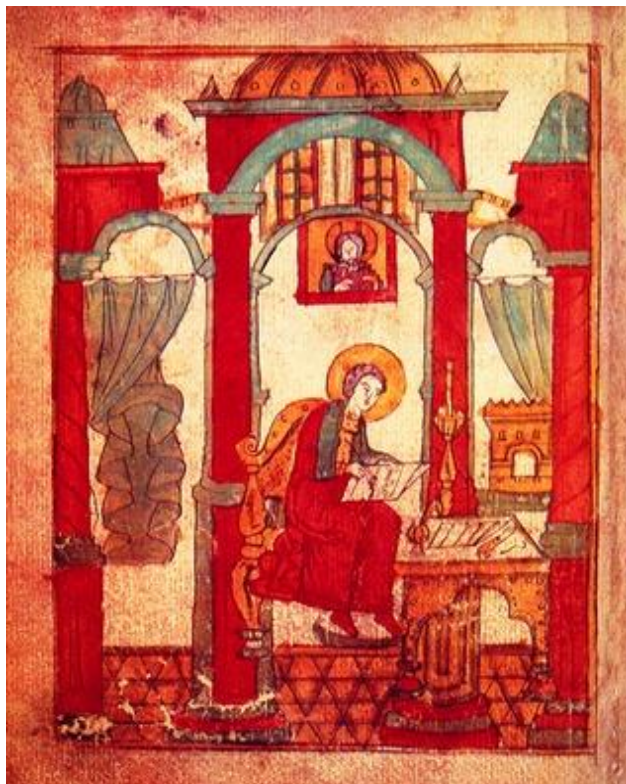

Рис. 1. Миниатюра из Жития Василия Нового. 50-60-е гг. XVIII в.
(ГИМ. Муз. № 196. Л. 89 об.)

Ученик прп. Василия пишет его житие.

Образно-символическая система «Жития Василия Нового» повлияла не только на эсхатологические концепты Древней Руси, но и на иконографические каноны, в частности, на сложную многофигурную композицию Страшного суда [2, 3, 8, 14, 15, 16, 17, 18].

Как следует из полного самоназвания, «Житие Василия Нового» было написано учеником Василия, монахом Григорием в X в. («Житие и жизнь и сказание преподобного святого Василия Нового писано Григорием монахом, учеником его»)². Сразу после написания Житие было переведено с греческого оригинала на древнеславянский. На Руси оно имело богатую рукописную традицию, было известно в двух редакциях, соответствующим греческим [10, с. 142—143].

Судя по упоминаниям «Жития Василия Нового» в «Прологе» и «Повести временных лет», первая русская редакция возникла не позднее XII в. Вторая редакция появилась на Руси в XIV в. Рассмотрим эсхатологические топосы иного мира на примере одного из ранних списков конца XIV в. (РГБ, Собрание П. И. Севастьянова, ф. 270, № 39 (Муз. 1470). «Житие Василия Нового» отличается от канонических Житий, в которых описывается детство, жизненный путь, полный духовных подвигов, праведная кончина и посмертные чудеса святого. Первая часть «Жития» посвящена проблемам «малой эсхатологии» – описанию «индивидуальной участи души человека после смерти тела» [8, с. 7]. По просьбе Григория, Василий, обладающий особым даром провидения, раскрывает ему тайны посмертного существования в тонком сне, характерном для жанра апокрифических видений. Феодора рассказывает о посмертной судьбе Григорию, явившись ему во сне. Вторая часть «Жития» посвящена раскрытию сакральных тайн «большой эсхатологии» - «судьбам человечества после Страшного Суда» [8, с. 7].

² Здесь и далее текст «Жития Василия Нового» цитируется в нашем переводе [4, с. 71-92].

В книге «Бытия» описано, что задолго до Апокалиптического преобразования земли божественная гармония была искажена изменением сущности одного из ангелов десятого ангельского чина, расколовшим ноуменальный мир. Вслед за архистратигом были наказаны и его подчиненные, рассеявшись по преисподней, наполнив землю и повиснув в воздухе. С тех пор бытийная оппозиция добра и зла пронизывает ноуменальный и материальный миры. Текст «Жития Василия Нового» представляет эсхатологическую карту иного мира, наглядно иллюстрирующую характерную для «базовой ментальной структуры русской культуры» систему бинарных оппозиций [5, 6, 7, 11, 12, 13]. В «Житии» противопоставлены: грешники/праведники, небесный рай/ подземный ад, райское блаженство/ адские муки, свет/ тьма, верх/ низ, правое/левое, восток/ запад и пр.

В 1-ой части Григорий, находясь в состоянии «тонкого сна», восходит на небеса: «И так шагая думал, что иду к Влахерне, и оказался внезапно на некоем пути, ведущем меня высоко, яко в гору zelo тесную. По нему же с многим страхом шел и пришел к вратам, плотно закрытым, в надежде увидеть кого-нибудь знакомого и как-то внутрь проникнуть». Именно там, в райских обителях, Феодора делится с ним сокровенными тайнами устройства иного мира.

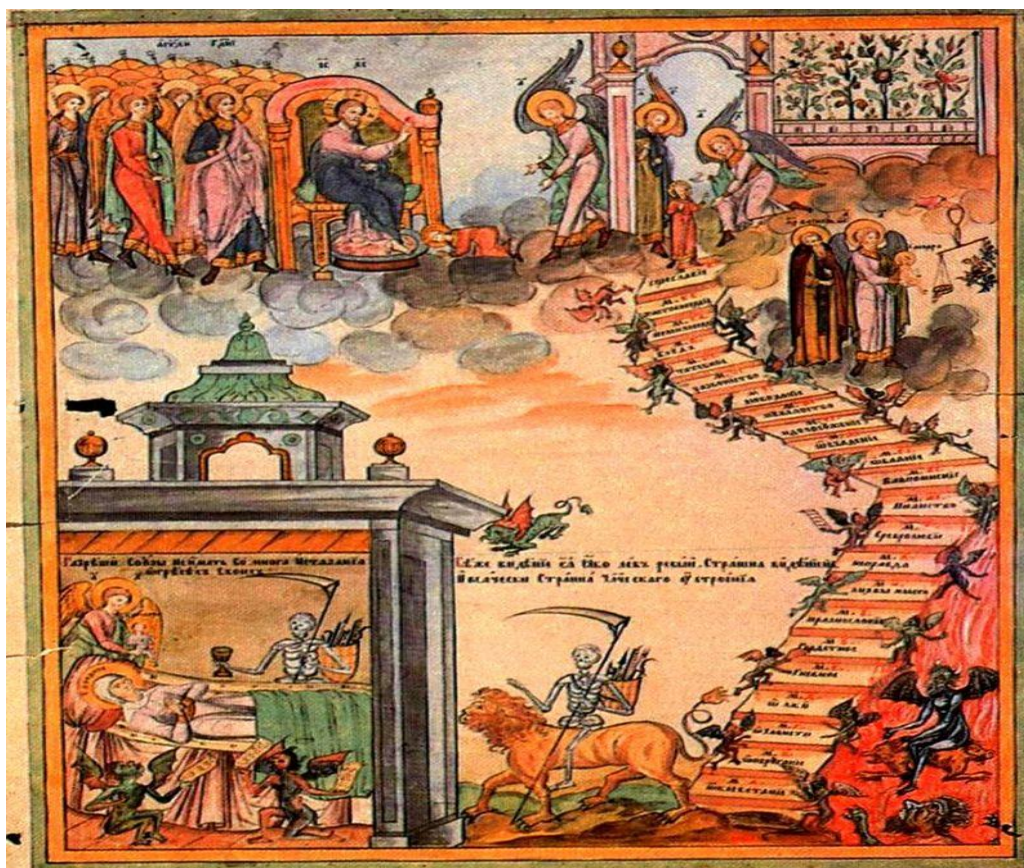

Рис. 2. Мытарства Феодоры. Фрагмент иконы

Григорий узнает, что по разлучении души от тела она была принята в ризы двумя светлыми ангелами, в то время как бездыханная плоть покоилась на смертном одре. Смерть, свершив свое дело, покидает тело, а страшные духи не оставляют душу, сопровождая ее на пути в райские обители. Они постоянно пытаются вырвать ее из рук ангелов и низвергнуть на дно ада. По пути в рай ей приходится преодолеть 21 воздушное мытарство: 1) клевету, 2) поругание, 3) зависть, 4) ложь, 5) ярость и гнев, 6) гордость, 7) празднословие и срамословие, 8) лихоимство, 9) неправду и тщеславие, 10) сребролюбие, 11) пьянство, 12) злопамятство, 13) отравление, 14) чревоугодие, 15) ереси, 16)

однополюю любовь и детоосквернение, 17) прелюбодеяние, 18) разбой, 19) татьбу (воровство), 20) блуд, 21) жестокосердие и человеконенавистничество (рис. 2).

Путешествие Феодоры проходит от земли на восток небес. Пройдя все мытарства, ее душа минует небесные врата и попадает в рай. В описании рая аллегорическая экзегетика доведена до абсолюта, основная метафора при описании райских мест – «сияние», ангелы описаны как «прекрасные юноши, облаченные в огонь», «врата небесные как кристалл, и все, что было в них, сияло сильнее пресветлых звезд». Свет — «абсолютная метафора» Бога: «Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы» (1-е Иоанна, I, 5). Мы видим параллели с христианским понятием обожения как проникновения в человеческую плоть божественной энергии, которая визуальнo определяется как сияние, исходящее от тела (нимб святых). Учение об обожении было развито в трудах отцов церкви, Василия Великого, Григория Богослова и Григория Нисского, и было связано с развитием учения о Боговоплощении [4, с. 80].

Дойдя с ангелами до престола святой Троицы, душа Феодоры услышала глас, повелевающий ангелам показать ей «все души праведных и грешных, и все села святых, еже находятся в раю, и сущих в преисподней, в аду», и лишь затем упокоить ее.

Заметим, что не только топография, но и хронотоп загробного путешествия души Феодоры совпадает с церковными канонами, в соответствии с которыми после третьего дня душа в сопровождении Ангела созерцает несказанную красоту райских обителей. В таком состоянии она пребывает шесть дней. При этом душа грешника скорбит о блаженстве, которого она лишилась благодаря своим земным поступкам, а душа праведника радуется будущей благодати.

Феодора наблюдает сокровенные образы «сел святых...на месте злачне, на месте покойне, на месте тишины» — поселения апостольские, пророческие, мученические, святительские, преподобные и праведные, чья ширина и долготы были подобны Царьграду. Доступно ее созерцанию и Лоно Авраама, «исполненное славы и исполненное сладости духовной, благовонных цветов, и шипов, и мирра, и ароматов. Были же в нем палаты, разумно построенные Божьим Духом, в них же все христианские младенцы, рожденные не скверно пребывали, окрест его играя и веселясь».

Церковное предание гласит, что на девятый день Господь повелевает Ангелам вновь представить душу на поклонение. После этого Ангелы отводят душу в ад, и она созерцает муки грешников. Так и путь Феодоры лежит на запад, в преисподнюю, место нахождения падшего Сатаны, «где горькие муки и мучения суждены окаянными и грешными... Сущии в муках, в сени смертной, “О, горе” — к миру взывали. Другие же: “Люте, люте” — непрестанно кричаще и рыдающе говорили, и не было помогающего им».

В сороковой день душа в третий раз возносится на поклонение Богу и решается ее участь – по земным делам ей назначается место пребывания до Страшного суда. Так и душа Феодоры в 40-й день молитв за нее преподобного Василия попадает в покои, заранее уготованные ему Богом за духовные труды. При их описании вновь преобладает метафора «сияния»: «Взглянув оттуда на восток, увидели они прекрасные светлые и высокие палаты, в которых стояла на тридцать локтей обильная трапеза, в камнях измаздах блистающих устроенная. Стояли же на трапезе той блюда злата прекрасного, зело удивления достойные. Овощи были на трапезах тех дивные и прекрасные, от них исходило благоухание неопишное. На чудесном престоле, стоящем на трапезе той, сидел отец наш Василий, яко владыка всем и почитаем от всех. Были же едящие с ним на трапезе той не яко же тело носящее люди, но яко же лучи солнечные сияющие, образ имеющие человеческий. И как вкушали от трапезы той овощей, неизреченной радости исполнялись. Черпали же им юноши светлые в невестственных стеклянницах, белые как снег. Когда кто из них брал чашу и пить хотел и на уста изливал, исполнялся Святого Духа и сласти, и в изумлении сидел час целый, и было лицо его, яко цветок. Служили же и предстояли им красавцы, препоясанные златыми ремнями в венцах на главах».

Как это часто бывает в Житиях, трансцендентный и материальный миры пересекаются и время в ноуменальном мире течет по своим законам. В «тонком сне» встречаются души Феодоры, Василия

© 2016 ФГБОУ ВО МГППУ «Московский государственный психолого-педагогический университет»

и Григория, при этом Феодора заняла уготованное ей место в раю на 40-й день, а души Василия и Григория покинули тела лишь на время, перенесясь духом в «вечные села», которые впоследствии будут дарованы им в награду за добродетельно прожитую жизнь. «Духовный дом», уготованный Господом Василию, находится за золотыми воротами, украшенными золотом, и листьями, и цветами, от которых исходила сладость неизреченная.

В заключение видения Григорий слышит от Феодоры, что есть град еще прекраснее, его невозможно увидеть душе, облеченной в тело: «град, который есть рай, его же Бог насадил на Востоке... Этот против того сень есть и сон». Образ «земного рая», описанного Феодосией, является одним из ранних его упоминаний в переводной древнерусской письменности. Далее древнерусские экзегеты будут к нему постоянно возвращаться, а примерно в 1347 г. Василием Калика напишет «Послание архиепископа новгородского Василия къ Владыце Тферьскому Феодору о рае», которое произведет такое впечатление на современников, что его текст будет помещен «сразу в нескольких летописях (под 1347 г.) – Софийской первой, Воскресенской, Новгородской третьей и др.» Популярность «Послания» объяснялась многовековой «полемикой, «распрей» «о честномъ раю», предметом которой был вопрос – есть ли рай на земле, либо он лишь метафизическое обозначение будущего спасения человеческой души» [5, с. 686].

Заканчивается первая часть наказом Василия Нового, данным очнувшемуся от «тонкого сна» Григорию описать увиденное «на пользу прочитающим».

Вторая часть изображает видение Страшного суда, посланное Григорию в ответ на его сомнения в греховности иудеев, распявших Христа. Это детальное и экспрессивное описание оказало влияние на письменные источники (рассказ «Повести временных лет» о запоне, на которой было написано Судище Господне, постоянные обращения к теме Страшного суда в русских церковно-учительных сборниках, проповеди Авраамия Смоленского) и на иконографию Страшного суда [1, с. 191–197].

Как и у Феодоры, путь Григория лежит на восток. Сопровождаемый светлым мужем, вызванным молитвами преподобного Василия, Григорий вступает на облако, которое «возносит их на высоту безмерную на иной мир, странный и дивный. Сойдя с облака и очутившись на стеклянном полу, увидели оттуда все концы мира того». Им открывается вид на новый Иерусалим: «Страшен же сей град был и зело велик, как круг небесный в широту и долготу. Были строения его не из звезд, ни из мрамора, ни из древес, ни из стекла, ни из гипса, еже есть тленные вещи, но были они от зари золота чистого и от прекрасного блистания двенадцати камней. Было видно, как из него исходили лучи как дуга небесная. Доброта же града того еже око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не възде». Ангел поведал Григорию, что «град сей есть великого Царя небесного, о нем же Давид глаголет дивно. Создал же его Господь наш Иисус Христос по скончании плотского смотрения таинства и по Вознесении Его на небеса к богу и Отцу, святым своим ученикам и апостолам уготовал его, и всем проповедавшим, веровавшим в него».

Здесь и начинается апокалиптическое преображение мира, когда по исхождении огненного столпа разносится глас, повинувшись которому земля, море и реки отдадут мертвецов и человеческие кости предстают наряду с живыми на Страшный Суд Господень. Пространство гиперболизируется: «Сатане зачитывается послание от Бога, и хватают его, и влачат из царских дворов и кладут ноздри его на край земли, дабы излевал он и изверг всю злобу и погибель, и тлю, и гнев, и неистовство, и весь ял, и всякую нечистоту, и всякие ереси». Перед смятанным Григорием разворачиваются картины победоносной битвы сил добра и зла, исполненные величия и экспрессии.

Первыми проходят воскресшие праведники, чьи лица сияют подобно звездам и луне в мрачную ночь, на их челах написаны добродетели.

Характерный для христианской культуры дуализм становится основным художественным приемом построения композиции и образной системы «Жития». Оппозиции праведники—грешники,

добродетели—грехи, райское блаженство—адские муки, рай—ад выражены здесь особенно ярко. Вслед за праведниками появляются «лукавые лица» грешников, «им же нет числа».

Далее следуют «превышние чины, песнь божественную поющие. Посреди же их был виден крест деревянный, светом сиявший... рестрашным». Раздается гром и на судное место, на воздух, сходят полки ангелов и архангелов: «Престол Божий не на земле стоял, но на воздухе, выше от земли на 40 локтей». Раздается трубный глас, на светлomeоблако сходит Иисус Христос и Страшный суд начинается.

Все сущее в мире приходит в движение: небо и земля бегут «от страха лица Его». Происходит преобразование материального и ноуменального миров: «И вновь призрел Господь на высоту и на глубину «бездонные и, чудо, — новое небо и новая земля, блистающие как снег. Ибо изменил все — от тления в нетление пришли души, и стала твердь небесная яко солнце, звезды же погибли от нее, ибо святые заняли место их. И солнца не было на новом небе, ибо на востоке воссияло всем праведное солнце Господь Иисус Христос. И взглянул Господь на место морское, и взошла на место воды морской река огненная, ее же пламень взошел до небес и попалил, и потопил и покривил все концы отлученные».

Бинарные оппозиции обостряются: «И были брошены грешники в море огненное. И были по всей земле отлучены праведники от грешников, и поставлены справа от Судии, блистающие светло. Грешники же, коих было как песку на земле, попали налево, где было темно и мрачно».

И сказал Господь праведникам: «Придите, благословенные Отца Моего, наследуйте уготованное вам царствие Мое от всего мира» (Мф., 25, 34). Грешникам же Господь рек: «Идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его» (Мф., 25, 41).

Земля преобразуется: «Взглянул Господь во все концы земли, и явились на ней сады, как снег различные, их же язык не может описать... И еще призрел Господь на землю ту, и процвела она злата и чудна... И еще призрел господь на землю ту, и источи она реку медовую и реку молочную. И был же мед реки той чист и прекрасен, яко слеза исходил по всей земле, орошая сады. Также и молоко, не смешиваясь, проходило, орошая коренья прекрасных деревьев и плодов. ... Призрением Судии пришли и птицы прекрасные, наполнили сады все и начали щебетать и петь прекрасно, крепкосладким голосом, так, что всходил их глас до небес. Те же птицы не как сущие на земле, тленные, но нетленные были, как и вся тварь».

Затем Господь взглянул на небеса и ангелы снизошли неся град Божий, который поставили «на востоке, и рай Эдем посреди его. Был же град Божий великий вышний Иерусалим».

Первой в него вошла Богородица, за ней — 12 апостолов, за ними — 70 учеников Христа. Далее — мученики и мученицы, проповедники, святители, воздержники, черноризцы, праведники Нового Закона, патриархи, Авраам, Исаак и Иаков с 12 патриархами, пустынники, цари и пророки, правоверные судии, Адам, Авель, Сиф и другие праотцы. Затем Господь повелел войти целомудренным и милостивым, юродивым, нищим духом, плачущим, кротким, правым судиям, милостивым, миротворцам, изгнанным правды ради от неверных человек, девственником и девственницам.

Перед взором Григория проходят экспрессивно меняющиеся образы: в то время как стоящий во вратах Господь зывает к святым по именам и вводит их внутрь, на градом воздвигается крест. А грешники, которые стояли на земле, «яко песок морской, от Адама же до второго пришествия Христова, родившихся от всякого колена и от языка» ввергнуты жезлом огненным, появившимся в руках Господа, в огненное море.

После этого Господь затворил врата святого града и раздал «саны и почести каждому», первой «почтил Сын Мать Пресвятую Богородицу и возложил на главу ее венец славы, дарованной Ему Отцом... и поставил Ее госпожей и владычицей всем небесным силам».

Далее на страницах «Жития» продолжают оживать иконографические сюжеты: Господь с предстоящими совершает таинственную службу, во время которой «херувимы и серафимы со страхом летели и служили ему... Прочих же ангелов чины вокруг алтаря предстояли, двенадцать же апостолов служили с Господом... И исполнились все сокровенной премудрости, непостижимого учения судеб Его... И была принята новая та жертва», за которой последовала трапеза «невещественная и разумная и благая». После трапезы Господь ведет всех в «бывший на востоке святого града райского, иже в Эдеме Богом насажденный оград, из него же Адам заповедь преступил и изгнан был... И увидели все райскую красоту. И после этого возвратились святые с Господом во святой град».

Итак, топосы рая умножаются – Григорию явлен Эдем, из которого был изгнан первый человек, четко определяется его локализация – восток святого райского града. Но еще необычнее и прекраснее явление небесного Иерусалима, «благих, и возлюбленных селений, иже от века уготованы» праведникам. На призыв Господа: «Придите и явитесь всей высоте святых Моих... вся земля, и весь воздух от конца до конца возжегся горением, снеговидным пламенем, задержавшимся надолго, и потом вознесшимся на небеса. И святые же увидели эту землю прекрасный вид имеющую и преславные лучи испускающую, как солнце. И в сем мире явились дома, палаты, храмы, и чертоги, церкви и церквицы, и странные, и дивные, и страшные здания, отгороженные друг от друга по-разному. И все в сих вечных обителях святых — постели и ложи, кровати, столы, престолы богатые — и все страшные, и везде ограды разумные, и винограды, дворцы, и сени, и притворы, и деревья, и сады бессмертные, плодами ум удивляющие необыкновенным вкусом. И раздал Господь это по сану и по достоянию святым своим, чтобы они имели таковые покоища на земле кратких».

Время не властно в этом новом мире: «В новой же той твари ни век, ни лето, ни время, ни час, ни день, ни ночь не знаема. Ни времени, ни изменения времен, ни надобности в дожде, ни теплоты солнца, ни труда, ни голода, ни жажды, ни иного ничего от сущего в нас. Вечно единое, имущее мирное и безначальное пребывание, и жизнь вечную».

В селениях праведников нет места «скорби и болезни и въздыханию». Поскольку небесный Иерусалим – жилище душ, «тела же, из мертвых восставшие и несущие плотские похоти и всякую злобу, с сатаною и с бесами его изгнаны были. И новой всей твари не требовалось ни трудиться, ни плотское никакое желание, ни зима, ни лето, ни ораение, ни жатвы, но свет вечно сияемый и наслаждение вечных благ».

Действие обретает кульминацию – Трубит труба Господня и вслед за этим отверзаются «находящиеся на востоке великие врата небесные... Взыде Господь к вратам небесным, с ангелами, идущими перед ним. Вошли с ним и некие из святых, имевших мощные крылья, чтобы взлететь на такую высоту. И прежде всех их Пресвятая Богородица, как молнии прекрасная, с Сыном вместе возносясь. И достигли небесных врат, и вошли внутрь».

На сей раз сам Господь повелевает Григорию поведать об увиденном «многим иным на пользу и на спасение». Григорий «7 дней не выходил из дому, но упражнялся и пытался виденное им описать». Преподобный Василий, предчувствуя скорую смерть, просил Григория и его «худое житие исписати». По смерти преподобного уже «другой некий ближний возлюбленный [Василия – И.Д.] Иоанн имел желание узнать, какой чести сподобился [Григорий – И.Д.] ради таковой веры и любви к преподобному. И так, молясь ему, в полночь был в исступлении и увидел палаты страшные, блистающие, как солнце. Над воротами же горели грамоты золотые, где было написано: «Обители и покои вечноблаженного Моего отца Василия Нового». Уснув стоя, увидел Иоанн прекрасные покои св. Василия (описание повторяется вновь) и услышал глас Господа, как и прежде Григорию, обещавший посмертное наслаждение уже его ученику. Мы видим сознательное применение автором «Жития» художественного приема удвоения, зеркального отражения основного мотива — видения загробной жизни.

Таким образом, Страшный суд — это заключительный момент мировой истории и одновременно начало жизни вечной, он предшествует обновлению мира и окончательному воссоединению человека с Богом. Суд будет вершиться Иисусом Христом, а его место — измененное состояние мира, еще не на небе, но уже не на земле. Исход Суда — уже ставшие привычными бинарные оппозиции — ад и вечные муки для грешников, рай и вечное блаженство для праведников.

Итак, очевидно, что автор «Жития Василия Нового» не только использовал достижения эзегетической традиции в обращении к Священному Писанию и Преданию, но и внес новые краски в образность описания Страшного суда. Григорий, а с ним и читатели получили возможность прозреть будущее, а особая яркость образов не только усиливала эмоциональное воздействие литературного сочинения, но и облегчала проникновение в сознание нравственных норм и христианских догматов. Вель в начале литературного бытования «Жития» его популярность была связана с христианизацией язычников, т. к. ничто так не влияло на воображение, как описание картин страшных мучений, неизбежно ожидающих некрещеного человека после смерти. Но в конце XV в., в 1492 г., уже ожидался реальный конец света в связи с истечением 7000 лет от сотворения мира, что значительно усиливало эсхатологические настроения древнерусских книжников. Так описание топосов иного мира становилось одним из самых важных смысловых элементов христианских литературных текстов средневековой Руси.

Финансирование

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ проект № 16-04-00523.

Литература

1. *Буслаев Ф.И.* Древнерусская литература и православное искусство. СПб.: 2001.
2. *Буслаев Ф.И.* Изображение Страшного Суда // Он же. Древнерусская литература и православное искусство. СПб.: 2001. С. 191—193.
3. *Дергачева И.В.* «Житие Василия Нового» как источник эсхатологических представлений в иконографии «Страшного суда» в средневековой Руси XIV–XVII веков // *Русь*, № 14. М.: 2003.
4. *Дергачева И.В.* Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности. М.: Кругъ, 2004. 332 с.
5. *Дергачева И.В.* Марелло Т.В. Некоторые философские аспекты «Послания о рае» Василия Калики Феодору Доброму // *Герменевтика древнерусской литературы*. № 11. М.: 2004. С. 685–700.
6. *Дергачева И.В.* Христианская топография иного мира // *Славяноведение*. № 6. М.: 2006. С. 16–21.
7. *Дергачева И.В.* Проблемы «малой» и «большой» эсхатологии в памятниках письменности русского средневековья // *Древнерусское духовное наследие в Сибири: научное изучение памятников традиционной русской книжности на Востоке России (1965-2005) Сборник научных трудов*. Сер. "Книга и литература" Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, Гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета; составители и ответственные редакторы: Е. И. Дергачева-Скоп и В. Н. Алексеев. Новосибирск: 2008. С. 71-84.
8. *Дергачева И.В.* Древнерусский Синодик: исследования и тексты. М.: Кругъ, 2011. 404 с.
9. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. Древний период. М.: 1965.
10. *Творогов О. В.* Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI—первая половина XIV вв. Л.: 1987. С. 142—143.
11. *Толстой Н.И.* Бинарные противопоставления типа правый-левый, мужской-женский // *Язык и народная культура*. М.: 1995. С. 151-166.

Дергачева И.В.

Топосы иного мира в «Житии Василия Нового»

Язык и текст langpsy.ru

2016. Том 3. № 4. С. 33–43.

doi: 10.17759/langt.2016030404

Dergacheva I.V.

Toposes of another world in "the Life of Basil the Younger"

Language and Text langpsy.ru

2016, vol. 3, no. 4, pp. 33–43.

doi: 10.17759/langt.2016030404

12. *Угзелл Фэйт.* Читая карту небес и ада в русском народном православии: о пригодности концептов двоеверия и бинаризма // Антропологический Форум. Материалы оксфордского симпозиума. СПб.: 2005, № 3, С. 347–373.
13. *Успенский Б.А.* «Правое» и «левое» в иконописном изображении // Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту: 1973. С. 173-145.
14. *Berezhnaya Lilya.* Orthodox Icons of Last Judgment on the Eastern Polish Borderlands (XVIth—XVIIIth centuries). Traditions, influences, and unsolved problems Review of European History. pp. 19—20.
15. *Dergacheva I.* Commemorative literary monuments in ancient russia. Quaestio Rossica. Екатеринбург: 2014, №1. p. 198-205.
16. *Goldfrank David M.* Who Put the Snake on the Icon and the Tollbooths on the Snake? — A Problem of Last Judgment Iconography Harvard Ukrainian Studies. Камень Краегъльнь. Rhetoric of the Medieval Slavic World. Vol. XIX. 1995. p. 180—199.
17. *Kazhdan A.* Basil the Younger Oxford Dictionary of Byzantium, 3 vols. 1991. 1: 270—271.
18. *Vilinbahova Tatiana.* L'immagine della morte nell'arte della Russia antica Humana Fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento / A cura di Alberto Tenenti. Clusone, 2000. p. 259 - 260.

Toposes of another world in "the Life of Basil the Younger"

Dergacheva I.V.,

Doctor of Philology, Professor at the Department of Linguodidactics and Intercultural Communication of the faculty of Foreign Languages in the Moscow State University of Psychology and Education, DergachevaIV@mgppu.ru

---

"Life of Basil the Younger," assimilated in the translation of the original Greek into the Church Slavonic language, has had a direct influence on the formation of ancient Russian eschatological concepts, as well as iconographic canons, in particular, on the composition of the Last Judgement. His emotional and figurative description of a topos of Another world helped to convert Christians to assimilate moral standards and Christian doctrines.

Key Words: Life of Basil the Younger, eschatological concepts, hermeneutics, exegesis, Church Slavonic translations, Apocrypha.

Funding

This work was supported by RGNF № 16-04-00523.

References

1. Buslaev F.I. Drevnerusskaya literatura i pravoslavnoe iskusstvo [Old Russian literature and art of the Orthodox]. Saint Petersburg, 2001.
2. Buslaev F.I. Izobrazhenie Strashnogo Suda [The image of the Last Judgment]. On zhe. Drevnerusskaya literatura i pravoslavnoe iskusstvo [Old Russian literature and art of the Orthodox]. Saint Petersburg, 2001, pp. 191–193.
3. Dergacheva I.V. «Zhitie Vasiliya Novogo» kak istochnik eschatologicheskikh predstavlenij v ikonografii «Strashnogo suda» v srednevekovoj Rusi XIV–XVII vekov [«Life of Basil the Younger» as a source of eschatologicheskikh representations in iconography «Last Judgment» in medieval Russia XIV-XVII centuries]. Rus', Moscow, 2003, no 14.
4. Dergacheva I.V. Posmertnaya sud'ba i «inoj mir» v drevnerusskoj knizhnosti [Posthumous fate and «another world» in ancient literacy]. Moscow: Publ. Krugh, 2004. p. 332.
5. Dergacheva I.V., Marello T.V. Nekotorye filosofskie aspekty «Poslaniya o rae» Vasiliya Kaliki Feodoru Dobromu [Some philosophical aspects of the «Message of paradise» Vasily Kalika to Theodore the Good]. Germenevtika drevnerusskoj literatury [Hermeneutics of Old Russian literature]. Moscow, no 11, 2004, pp. 685–700.
6. Dergacheva I.V. Khristianskaya topografiya inogo mira [Christian Topography]. Slavyanovedenie [Slavic another world]. Moscow, no 6, 2006, pp. 16–21.
7. Dergacheva I.V. Problemy «maloj» i «bol'shoj» eschatologii v pamyatnikakh pis'mnosti russkogo srednevekov'ya [Problems of «small» and «large» eschatology in the monuments of the Middle Ages] Drevnerusskoe dukhovnoe nasledie v Sibiri: nauchnoe izuchenie pamyatnikov traditsionnoj russkoj knizhnosti na Vostoke Rossii (1965-2005) Sbornik nauchnykh trudov [Old Russian Spiritual Heritage in Siberia: the scientific study of the monuments of traditional Russian literacy in Eastern Russia (1965-2005) Collection of scientific papers]. Ser. «Kniga i literatura" Gosudarstvennaya publichnaya nauchno-tekhnicheskaya biblioteka SO RAN, Gumanitarnyj fakul'tet Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta; sostaviteli i otvetstvennye redaktory: E. I. Dergacheva-Skop i V. N.

- Alekseev. [Ser. "Book and Literature" State Public Scientific-Technological Library of the Russian Academy of Sciences, Faculty of Humanities, Novosibirsk State University; compilers and editors responsible: E.I. Dergacheva-Skope and V.N. Alekseev]. Novosibirsk, 2008, pp. 71-84.
8. Dergacheva I.V. Drevnerusskij Sinodik: issledovaniya i teksty [The Old Synodicon: Studies and texts]. Moscow: Krugh, 2011, p. 404.
  9. Ivanov V.V., Toporov V.N. Slavyanskije yazykovye modeliruyushhie semioticheskie sistemy. Drevnij period [Slavic language modeling semiotic system. Ancient period]. Moscow, 1965.
  10. Tvorogov O.V. Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. XI—pervaya polovina XIV v [Dictionary of the scribes and literature of ancient Russia. XI-the first half of the XIV century]. Leningrad, 1987, pp. 142—143.
  11. Tolstoj N.I. Binarnye protivopostavleniya tipa pravyy-levyy, muzhskoj-zhenskij [Binary oppositions such as right-left, the male-female]. Yazyk i narodnaya kul'tura [Language and popular culture]. Moscow, 1995, pp. 151-166.
  12. Uigzell Fehjt. Chitaya kartu nebes i ada v russkom narodnom pravoslavii: o prigodnosti kontseptov dvoeveriya i binarizma [Reading the map of heaven and hell in Russian popular Orthodoxy: the suitability of the concepts of dual faith and binarizma] Antropologicheskij Forum. Materialy oksfordskogo simoziuma [Anthropological Forum. Materials of Oxford simozium]. No 3. Saint - Petersburg, 2005, pp. 347–373.
  13. Uspenskij B.A. «Pravoe» i «levoe» v ikonopisnom izobrazhenii [«Right» and «Left» in the icon image] Sbornik statej po vtorichnym modeliruyushhim sistemam [Collection of articles on the secondary modeling systems]. Tartu, 1973, pp. 173-145.
  14. Berezhnaya Lilya. Orthodox Icons of Last Judgment on the Eastern Polish Borderlands (XVI-th—XVIII-th centuries). Traditions, influences, and unsolved problems Review of European History. pp. 19—20.
  15. Dergacheva I. Commemorative literary monuments in Ancient Russia Quaestio Rossica. Ekaterinburg, 2014, no 1. pp. 198-205.
  16. Goldfrank David M. Who Put the Snake on the Icon and the Tollbooths on the Snake? — A Problem of Last Judgment Iconography Harvard Ukrainian Studies. Kamen' Kraeg"l'n". Rhetoric of the Medieval Slavic World. 1995, Vol. XIX, pp. 180—199.
  17. Kazhdan A. Basil the Younger Oxford Dictionary of Byzantium, 3 vols. 1991. 1: pp. 270—271.
  18. Vilinbahova Tatiana. L'immagine della morte nell'arte della Russia antica Humana Fragilitas. I temi della morte in Europa tra Duecento e Settecento A cura di Alberto Tenenti. Clusone, 2000, pp. 259 - 260.